

стремления представить объект во всей его полноте станет очевидной, если мы попытаемся вообразить учебник по алгебре, включающий все возможные уравнения.

Таким образом, в советском учебнике и произведение, и литература в целом перестают быть объектом анализа. Учебник не учит историческому видению литературы ни в аспекте исторической поэтики, ни в аспекте литературной истории, не учит приемам анализа и приемам построения литературоведческого текста.

Разумеется, все это имеет историческое оправдание. Ситуация литературоведа в 1969 году была несопоставимо драматичнее современной. Текст учебника зафиксировал след идеологической борьбы и компромисса советской эпохи, того компромисса, плодом которого стало не только советское литературоведение (которое мы, конечно, отличаем от российского), но и советская интеллигенция. К постсоветским условиям не может адаптироваться ни то, ни другое. Но и то, и другое продолжает существовать в письменных и устных формах организации и трансляции знания, в представлениях о целях и структуре литературоведческого образования.

-
1. Фриче В. М. Очерки по истории западноевропейской литературы. М., 1908.
 2. Гливенко И. И. Чтения по истории всеобщей литературы. Пг.; Киев, 1914.
 3. Фриче В. М. Очерк развития западных литератур. М., 1931.
 4. История зарубежной литературы после Октябрьской революции: В 2 ч. Ч. 1: 1917–1945. М., 1969.

Н. М. Мухина
г. Екатеринбург

Поэтический сборник «Близко» Бриты аф Гейерстам: образ книги стихов как парадигма мифосценариев

Предлагаемые читателю материалы представляют собой фрагмент исследования, посвященного анализу шведской мифопоэтической модели мира в творчестве Бриты аф Гейерстам (1902–2003). Прожив более века, за свои последние десять лет жизни она выпустила восемь сборников стихов. «Nära» («Близко») – ее предсмертная книга, вышедшая в 2002 году [1].

Когда читаешь стихи Бриты аф Гейерстам, восхищаешься тем, насколько ее сознание – сознание столетнего человека – сохранило интеллектуальность, философичность, просветленность и оптимизм. Эмоционально-смысловая доминанта сборника – благодарность за долгую насыщенную жизнь и желание по-прежнему «только существовать» («bara finnas»).

Неудивительно, что бытийные размышления человека в таком возрасте органично принимают форму подведения итогов. Сосредоточенность поэта на самом ценном и важном обуславливает тот поэтический минимализм, которого концептуально и стилистически придерживается Брита аф Гейерстам. Вещное пространство в ее стихах оказывается крайне разреженным, а перечень предметных номинаций можно свести к небольшой парадигме мифологем: деревья, цветы, ягоды, камни, лес, сад, тропинка, небо, облака, ветер, море, солнце, свет, луна, звезды. Что касается абстрактных концептов, то в «Nära» они образуют следующий ряд: жизнь, смерть, любовь, гармония, радость, благодарность, душа, возраст, память, творчество.

Особого внимания заслуживает наличие в «Nära» пяти стихотворений, которые в целом соотносимы с мифосценариями, принадлежащими к разным культурным традициям:

- скандинавской – она доминирует и представлена тремя векторами (древнескандинавским*, фольклорным (шведским), «неомифологическим»** (также шведским));

- христианской – этих аллюзий в сборнике немного, что характерно для нерелигиозной в ортодоксальном смысле скандинавской культуры, но есть одно стихотворение, в котором воссоздан именно христианский мифологический антураж;

- древнегреческой – несколько экзотическим кажется присутствие в книге древнегреческого (платоновского) контекста, неблизкого для скандинавской (древнегерманской) картины мира.

Рассмотрим сами поэтические тексты в заданном порядке. Нашей задачей будет выяснить, каковы эстетико-концептуальные особенности использования указанных мифосценариев в книге Бриты аф Гейерстам.

1. Древнескандинавский мифологический контекст воссоздан в последнем стихотворении сборника «Ett annat liv har blivit mitt» («Другая

* Основанным на эддическом материале и текстах саг.

** Под неомифами в данном случае мы подразумеваем национально-культурные стереотипные сюжеты, сложившиеся в XIX–XX вв. и входящие в смысловое поле национальной самоидентификации.

жизнь стала моей»), моделирующем концепт «смерть» в духе скандинавской этики и эстетики:

...Min vän seglar
så stilla
mot andra världen.
Jag följer honom
på färden.

...Мой друг плывет под парусом
так тихо
к иному миру.
Я провожаю его
в путь.

Изображение погребального обряда викингов – морского посмертного путешествия к иному миру – освобождает описание смерти от трагического пафоса и уравнивает всю ситуацию: друг плывет *так тихо* (*så stilla*), и вообще передвигаться нужно *осторожно-осторожно* (*gå varsamt-varsamt*). Символом сдержанности и жизненной мудрости являются в этом стихотворении *пылающие в сером тумане клены* (*lönnarna flammar / I det grå diset*) [2]. Их яркость на туманном фоне символически подчеркивает важность обретения мудрого и спокойного отношения к смерти, как известно, органичного для скандинавского менталитета [3, с. 304–307].

2. В основе стихотворения «Jag har en hemlig trädgård» («У меня есть тайный сад») – известный в шведском фольклоре сюжет об «эльфийском саде» [4]. Как и положено, лирическую героиню туда ведут *заповедные тропинки* (*dolda stigar*). Каменная ограда (*steniga muren*) увита жимолостью (*kaprifol*), что является знаком надежного укрытия и сохранности, а также урожая и счастья [5]. Кроме того, героиня *чувствует запах фиалки* (*känner doft av viol*), которая тоже символизирует уютную камерность жизни [6]. Согласно мифу, в таком саду и должны расти прекрасные цветы, а также деревья и плоды, что сюжетно тоже представлено в стихотворении:

Jag skördar mina frukter
och njuter av mitt vin.

Я собираю свои плоды
и наслаждаюсь своим вином.

Пребывание в «эльфийском саду» означает познание настоящего счастья, посвященность избранного в сенсорную радость бытия. А это, на наш взгляд, одна из основных эмоций в творчестве Бриты аф Гейерстам.

3. «Неомифологический» контекст актуализируется в стихотворении «Allt var jämngrått mörkt och trist» («Все было беспросветно мрачным и печальным») – начальные строки оформляют состояние эмоционального тупика лирической героини, которая сначала не может преодолеть *косую стену* (*knaggliga mur*) отчаяния. Из депрессии героиню неожиданно выводит *вермландский голос* (*värmländsk röst*), услышанный ею *по радио* (*genom radion*). Вермланд – шведская провинция, воспетая еще на рубеже

XIX–XX веков Сельмой Лагерлеф. Почти три четверти территории этой провинции занимает лес, поэтому с Вермландом ассоциируется образ естественного, природного мира. Знаменит он также своей Прозрачной рекой (Klarälven), по которой шведы любят сплавляться, и соблюдением фольклорных традиций. Можно сказать, что Вермланд – эталонная микромодель Швеции, это национальная идея, обладающая эмоционально-целительной силой. Поэтому звучание *такого спокойного, такого легкого для понимания (så trygg, så lätt att förstå)* вермландского диалекта вдохновляет лирическую героиню перейти с минора на мажор (*från moll till dur*), является уникальной гармонизирующей силой.

4. В стихотворении «Jag såg två vita sommarmoln» («Я видела два белых летних облака») в сознании лирической героини актуализируются христианские смыслы. Как известно, и в ветхо-, и в новозаветной традиции облако символизирует явление человеку Бога или пророка [7]. Поскольку в тексте *облака образовали крест (de molnen bildade ett kors)*, неудивительно, что героиня воспринимает это как *знак (ett tecken) конца земной жизни (jordelivets slut)*. В христианском обрамлении в тексте смоделировано экзистенциальное ощущение конечности жизни – впрочем, по-скандинавски эмоционально уравновешенное:

Men molnen löstes sakta upp.
Och allt var som förut.

Но облака медленно разделились.
И все было как прежде.

5. Изложенный Платоном в диалоге «Пир» миф о Зевсе, разделившем душу на две половины и заставившем их искать друг друга, нашел свое отражение в стихотворении «Så mötte jag en tvillingsjäl» («Так встретила я душу-близнеца»). Как известно, поиск «близнеца», по идее Платона, является высшей целью пребывания души на земле, а обретение своей «половины» – истинной любовью. В стихотворении создан аналог платоновской гармонии любви:

Så märklig denna känsla,
så intensiv och stor.
Att jag samtidigt
kunde vara
hans barn, hans brud,
hans mor.

Так необычно это чувство,
так интенсивно и сильно.
Что я одновременно
могла быть
его ребенком, его невестой,
его матерью.

Объединение трех названных ипостасей лирической героини символизирует гармоничное единство разных присущих человеку любовных эмоций.

Проведенный нами анализ выявил следующие соответствия поэтических концептов и мифологических традиций:

- «гармоничное бытие» ↔ шведский фольклор;
- «эмоциональный фон повседневности» ↔ шведская «неомифология»;
- «любовь» ↔ древнегреческая традиция;
- «переживание экзистенции» ↔ христианская традиция;
- «смерть» ↔ древнескандинавская традиция.

Как мы видим, Брита аф Гейерстам абсолютно органично поместила важнейшие философские концепты в разные эстетико-концептуальные системы координат, каждая из которых по-особому усиливает содержание концепта и его значимость. При этом подобное их единство в творческом сознании и в одной поэтической книге, на наш взгляд, свидетельствует о гармоничности авторской картины мира в целом.

-
1. *Geijerstam, Brita af. Nära : nya dikter.* Stockholm, 2002.
 2. Семь граней – деревья счастья. Клен. URL: <http://www.7granei.ru/shop.php?cid=264>; или <http://herbalogya.ru/library/Acer.php>
 3. *Хлезов А. А.* Предвестники викингов. СПб., 2002.
 4. Скандинавская мифология : энциклопедия. М., 2006.
 5. *Бегичева В.* Жимолость. Наука и религия. URL: http://www.n-i-r.ru/nir2.php?id_stat=130
 6. Фиалка : Словарь символов и знаков. URL: <http://sigils.ru/symbols/fialka.html>
 7. Облако. Знаки и символы : энциклопедия. URL: <http://www.znaki.chebnet.com/s10.php?id=500>